

Андрей Дёмин

Испытание

Цвет - вот, что имеет значение!

16+

Андрей Андреевич Дёмин

Испытание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67645560

SelfPub; 2022

Аннотация

Первый межзвёздный крейсер "Галифрей" терпит крушение уже в 243-й раз. Капитану корабля нужно решить непростую этическую дилемму, чтобы выбраться из временной петли. Как определить ценность человеческой жизни?

Андрей Дёмин

Испытание

Испытание № 243.

Генерация...

Загрузка...

Запуск.

Лампа на стерильно-белом потолке тревожно мигает. Капитан морщится, но уставу отключать оповещение об экстренной ситуации запрещено. Возможно, людям, писавшим этот пункт, стоило посидеть пару дней взаперти, под ритмичные вспышки красного цвета и механический голос, сообщающий о скорой смерти всего живого.

– Внимание! Критическое повреждение правого борта! Отказ двух двигателей из четырёх! Внимание! Обнаружена утечка в топливном баке! Состояние на данный момент: 40%, фиксируемые потери: 10% объема топлива в час. Внимание! Продолжение полёта повлечёт за собой потерю контроля над кораблём и постепенное разрушение обшивки. Рекомендуется запустить сигнал SOS, сохранять спокойствие и воспользоваться спасательными челноками.

Первые два пункта Капитан выполнил идеально: запустил в ледяную пустоту мольбу о спасении, сел в кресло и оставался спокойным уже больше восьми часов. Вообще-то, это

было довольно трудно: вокруг суетился экипаж, из криокапсул постепенно выбирались люди. На табло со схемой «Галифрея», первого межзвёздного транспортного лайнера, чернел правый борт. В том числе, спасательный отсек.

«На борту десять тысяч пассажиров. Челноков – две тысячи. Это – проблема».

Капитан выпивает стакан воды. Вода тёплая и слегка горчит. Совершенно ему не нравится. Пассажиров нужно разделить, на тех, кто выживет, и тех, кто умрёт. В этом тоже нет ничего хорошего. Действовать нужно быстро – когда топливо из двигателей вытечет, корабль перестанет вырабатывать энергию, и отправить челноки будет невозможно.

Но самое главное, самое отвратительное из всех обстоятельств в том, что Капитан не может выработать Принцип отбора. А без Принципа всё повторится. Снова и снова. Уже 243 раза он видит, как паника захлёстывает корабль, как людей распределяют на две неравных толпы. Одна, большая, останется. Другая сядет в челноки. Капитан встанет с большой группой, наблюдая, как лайнер погружается во тьму.

И тогда начнётся попытка номер вести сорок четыре.

Капитан не знает, почему оказался во временной петле. Он предполагает, что в этом замешана чёрная дыра, располагающаяся на краю этой системы. Но сейчас ничто, кроме крушения «Галифрея» не имеет значения. Капитану нужен определяющий Принцип, иначе всё запустится заново.

– Экипаж ожидает вашего приказа.

Он все путешествие такой, первый помощник. Виктор Степнов, отличник космического кадетского корпуса. Верный, как тысяча собак, умный, дисциплинированный. Ему придётся умереть, чтобы жил какой-нибудь из пассажиров. Какой именно – решит Принцип.

– Отбери две тысячи самых... – Капитан умолкает, глядя на бесконечную мглу за лобовым стеклом. – Не важно. Предотвращайте панику. Мне нужно подумать.

Виктор кивает и выдаёт в микрофон рации речитатив команд. Капитан не слушает – поднявшись с кресла, он покидает мостик. Куда идти – всё равно, главное, чтобы рядом не было ни единой живой души. И, конечно, лучше держаться по левому борту.

Воздух в отсеках идеально-стерильный, лишённый запахов, подогнанный по температуре тела, и Капитан вдыхает его, глубоко и мерно наполняя лёгкие. Обеспечить мозг кислородом сейчас очень важно.

«Кого ты обманываешь? Это не поможет».

Капитан осторожно обходит отсек собраний – сейчас там сосредоточена основная масса пассажиров. Корабль под ногами слегка вздрагивает, значит, от правого борта отвали-

лась ещё какая-то деталь. Свернув в боковой коридор, Капитан устало опускается прямо на пол. Он кладёт руки на согнутые колени и прикрывает уставшие от вспышек глаза.

– Решаешься, Кэп?

В коридоре раздаются легкие шаги. Это Анселл, штурман «Галифрея», вечно весёлый балагур и до гениальности хитроумный проныра. Раньше Капитан не любил его, но сейчас, под завывание сирены, появление Анселла вызывает улыбку.

– Решаться не на что. Действую по инструкции.

– Да? – штурман шлёпается рядом, разглядывает холодное, будто высеченное в камне, лицо Капитана. – И почему же челноки пустуют?

– Провожу отбор.

– А мне кажется, ты сидишь на полу и втыкаешь в стенку, потому что не можешь определиться. Всё-таки, не каждый день приходится губить восемь тысяч человек.

– Не каждый день приходится спасать две тысячи.

– Проблема в отборе, – кивает Анселл. – Предлагаю такой вариант: примерно три равных части мужчин, женщин и де-

тей. Детей разделить пополам: на мальчиков и девочек. Разумеется, это будут самые здоровые, умные и сильные люди. Все данные у нас есть.

«Я уже пробовал. Это не помогло!»

– Хороший совет, – Капитан снова прикрывает глаза. – Спасибо.

– Ты им не воспользуешься, так?

– Угу.

– Я бы разозлился, что ты тут играешь в Бога, но... – Штурман пожимает плечами. – Ты и есть наш Бог, Кэп. Но не советую так же откровенничать с остальными. Не все поймут твои раздумья верно.

– Спасибо, Анселл. Я тебя больше не задерживаю.

Штурман поднимается и растворяется в одном из ответвлений коридора, а Капитан вдруг вспоминает, что Анселла раньше на корабле не было. В прошлый раз, при попытке 242 штурманом была улыбчивая Сюзен, ещё раньше – хмурый Крейг, бывший солдат. Менялся не только штурман – весь экипаж, пассажиры, расположение отсеков. Неизменным остаются лишь Капитан, «Галифрей» и авария. Кажет-

ся, в прошлые разы он тоже об этом вспоминал. Ещё немного подумав, Капитан поднимается на ноги, направляясь в научный отсек. Ему просто необходимо обсудить происходящее с кем-нибудь, и пусть лучше это будет учёный.

– Итак, ты утверждаешь, что переживаешь крушение уже более двухсот раз, и...

Капитан не слушает. Если Марта так уж хочет повторить для себя им рассказанное, пускай. Каждое её слово отнимает секунду, которая могла бы пойти на размышление, но Капитан сохраняет спокойствие. Марта – глава научного сектора колонизаторской экспедиции, и если кто-нибудь может объяснить происходящий кошмар, то только она. Марте пятьдесят четыре, и сейчас её голубые глаза блестят в свете тепличных ламп. В растениеводческой секции пахнет землёй и свежими овощами. Домом.

– Я не знаю, как это остановить, Кэп. И не уверена, что стоит. Понимаешь, если бы ты действительно переживал одни и те же события, было бы проще. Но, раз люди вокруг каждый раз новые, то...

– Да?

– Учитывая возможность существования мультивселен-

ной, следует предположить, что каждый раз после смерти ты попадаешь в следующую версию вселенной, в которой так же есть «Галифрей», заменяя собой его капитана. Ты вынужден раз за разом спасать жизни, Кэп. В этой ситуации главное – не сойти с ума.

«Я уже сошёл».

Капитан помнит, как во время одной из попыток раздал людям «Галифрея» оружие и приказал сражаться за место в челноке. А ещё был взрыв «Галифрея», когда далеко за сотню попыток Капитан не выдержал и намеренно перегрузил двигатели. Он совершал страшные вещи, оставаясь в полной уверенности: всё повторится, что бы ни случилось. Теперь, если верить Марте, получается, что Капитан просто шёл сквозь вселенные, оставляя за спиной тысячи смертей.

В целом, ему наплевать. Эмоции выморозило где-то после ста пятидесяти, когда детские слёзы перестали иметь значение. Слушая Марту, Капитан кивает в такт её рассуждениям, чувствуя внутри покой пустоты. До конца «Галифрея» остаётся не больше четырёх часов.

– Спасибо, Марта. Я обдумаю твою теорию. – Капитан поворачивается спиной, но женщина хватает его за запястье.

– Кэп, прошу, помни: мы первая космическая колония. При отборе людей нужно руководствоваться их пользой для

будущих поколений поселенцев. Отбирай умных, сильных и здоровых. Не разлучай семьи, не плоды маньяков и сумасшедших. Не бери на челноки стариков, какими бы светлыми их головы ни казались.

Капитан кивает и, освободив руку, шагает прочь.

«А может, забраться в челнок самому? Бросить проклятый «Галифрей», который никак не отпускает, сбежать в темную пустоту от бесконечного цикла тревожных огней?»

Он не раз обращался к этой мысли, но только сейчас вспоминает, что мешало исполнить задуманное. Животный ужас, поднимающийся откуда-то снизу, из дрожащих коленей, сковывает всё тело. Капитан отчётливо понимает: творить можно что угодно, кроме побега.

Он опускается в кресло, не без радости осознав, что ещё способен бояться. Нет, бежать нельзя. Нужно найти Принцип.

«А что, если Принципа нет? Если ты действительно обречён метаться по бесконечности «Галифреев», спасая тех, кого можно спасти?»

В старину ходили легенды об ангелах-хранителях. Капитан не помнит их в точности, но участь таких существ представляется ему невыразимо ужасной. До отключения двига-

телей остаётся два часа, когда от корабля отстыковывается первый челнок. Капитан наблюдает в иллюминаторы за серебристыми тоннами металла, уносящимися прочь в ледяной вакуум. Там, на островках надежды, люди, максимально полезные для экспедиции, как просила Марта.

Дождавшись старта последнего челнока, Капитан даёт команду на отключение света в отсеках. Нужно беречь энергию, чтобы работали системы жизнеобеспечения, на случай внезапной помощи из ниоткуда.

«Нет, серьёзно, откуда ей взяться? Мы первый межзвёздный лайнер. С планеты, куда сейчас направляются челноки, отправить нечего – колония там только начинает развиваться. Что остаётся, внезапные добрые инопланетяне?»

Капитан в очередной раз поражается силе человеческой надежды. Даже в самой безвыходной ситуации люди найдут повод верить в спасение. Наверное, это часть какого-то инстинкта, часть сложного механизма наших тел. В момент отчаяния мозг пропускает по телу нужный электрический импульс, запуская выработку адреналина, разгоняя себя до запредельных скоростей. Если бы всё это шло на воображение собственной мучительной смерти, мы умирали бы безумными.

Капитан идёт прочь по кораблю, не разбирая дороги. За его спиной одна за другой гаснет лампы. Экстренное сооб-

щение, крутившееся по кругу всё это время, наконец, умолкает. «Галифрей» погружается во тьму.

Он натывается на девушку уже в полной темноте, когда добирается до самых дальних отсеков. Кислорода остаётся на час-полтора, дышать уже тяжело и неприятно. Кожа покрывается липким потом. Капитан и сам не знает, почему пришёл сюда: он просто избегал людей, как умирающий кот, и теперь оказался в какой-то подсобке, нос к носу с напуганной, плачущей девчонкой.

– В-вы кто?

– Капитан. А вы?

– Ла... Лаура. Там, в жилых отсеках... Убийства, на... Насилуют!

– Знаю.

Капитан опускается на пол, прислоняется к стене спиной.

– Это так ужасно!

– И, к сожалению, я не смогу их остановить.

Лаура всхлипывает и пытается выровнять дыхание. У неё это получается с трудом. Капитан слушает, не пытаясь завязать разговор. Тишина заволакивает коморку тяжёлым саваном. Лаура её не выдерживает:

– А как вы... Ну...

– Да?

– Как отбирали людей в челноки?

– По принципу полезности, – пожимает плечами Капитан. – И ещё было условие: не разлучать семьи. Таким образом.

– Почему?

– Потому что мне это кажется наилучшим вариантом.

– В таком отборе много белых пятен.

– Как и в любом другом. Что ты предлагаешь?

– Какая разница? Всё уже случилось.

– Ну, – Капитан нервно усмехается, – всё-таки, как бы ты

их отобрала, если бы могла?

Лаура молчит, размышляя.

– Я бы задавала людям три вопроса.

– Какие?

– Первый: Почему ты хочешь жить? Человек должен дать чёткий, исчерпывающий и правдивый ответ. Вы оцените ответ, после чего либо оставите человека на «Галифрее», либо задаёте второй вопрос.

– Интересно. И по каким же критериям я должен оценивать ответ?

– Вас должен удовлетворить смысл. Ответ достойного человека будет содержать в себе стремление к Цвету.

– Что такое Цвет?

– Сложно объяснить, – Лаура садится удобнее, оправляет костюм. – Проще пойти от обратного. Это моя философия: делить всё на Серость и Цвет. Серость – всё, что способствует деградации человека человечества. Насилие, лень, скука, поп-музыка. Всё это – Серость.

– Чем тебе не угодила музыка?

– Не обращайтесь внимания. Этот аспект субъективен, только для меня. Вам понятно про Серость?

– В общих чертах.

– Здорово! – по её голосу чувствуется, что Лаура улыбается. – Так вот, Цвет призван бороться с Серостью. Его несут учёные, художники, спортсмены. Цвет нужно беречь и размножать, потому что без этого человек и человечество обречены на вымирание. На стирание в сером тумане.

– Цвет – это стремление к развитию?

– Не только. Развитие – только часть Цвета. Развитие не должно ограничиваться техническим прогрессом. В первую очередь человечество должно расти нравственно, иначе прогресс приведёт нас к самоуничтожению.

– Допустим, – кивает Капитан. – Каким будет второй вопрос?

– Первый вопрос отделил для нас людей Цвета. Если его будет недостаточно, следует спросить: «Собираешься ли ты

распространять свои убеждения? Как?».

Капитан стирает пот со лба. Кислорода остаётся от силы на полчаса, в кладовке становится жарковато.

– Понимаю. Цвет нужно нести.

– Совершенно верно! И, что очень важно: без применения насилия. Цвет не терпит принуждения, он тотчас же покидает любого, кто пытается заставить людей делать что-либо.

– То есть, великие воины и полководцы – носители Серости?

– Нет-нет! – Лаура машет руками. – Поймите, Цвет бывает разным. В том числе – чёрным и красно-рыжим, как пламя. Цвет – это дар, талант, стремление к мирному развитию. И, если человек нашёл предназначение в защите других, если он преуспел и раскрылся, разве его можно винить? Главное, чтобы человек, рождённый для защиты своих, не вторгнулся к чужим.

– Значит, по-твоему, Цвет – это талантливые люди? А что делать тем, кому природа не выделила великого дела?

– Какие глупости! Каждый человек изначально предрас-

положен к какой-то профессии, у всех есть любимые занятия. Цвет – это когда люди на своих местах. Не обязательно быть ярчайшей звездой, достаточно гореть маленькой, ровной свечкой.

– Это весьма наивная утопия, уж прости меня.

– Ничего. Вы правы, Капитан. Сейчас, на борту распадающегося куска металла и пластика, мне нужно немного наивности и возможность выговориться. Мой Цвет – утопия, но это не значит, что к нему бессмысленно стремиться!

Капитан качает головой. Почему-то рассуждения девчонки кажутся ему невероятно важными и правильными.

– Итак, ты описала Цвет: талант, саморазвитие, прогресс. Верно?

– Именно в такой последовательности, – кивает Лаура. – Найти в себе талант, приложить все усилия для его реализации и собственного нравственного развития, внести вклад в общечеловеческий прогресс. До третьего этапа, понятное дело, доберутся немногие. Но, если большинство будет стараться руководствоваться первыми двумя, Цвет придёт.

Капитан расстегивает ворот рубашки. Осталось минут

пятнадцать, но ему было плевать.

«Кажется, я нашёл Принцип».

– И... Последний вопрос?

– «Что ты сделаешь с врагом Цвета?».

Капитан смеётся.

– Я знал, что ты это спросишь. Вопрос-ловушка. Если ты отказываешься от насильственного «расцветивания» людей, как же тогда быть с теми, кто не примет твою философию?

– Повторяю, Капитан: Цвет насильно не насаждается, потому что Цвет – образ мыслей, а мысли не одолеть принуждением. Это важнейший для понимания аспект. Вы не сможете, просто не сможете вбить своим врагам в голову собственное мироощущение.

– Что же делать? Каков ответ на твой вопрос?

– «Я дам им выбор».

– В чём он будет состоять?

– Примите Цвет, или не приближайтесь к его границам больше никогда.

– И тогда...

– ...Цвет будет распространяться, оставаясь защищённым. Нетронутым.

– Но врагов будет всё больше, если их не уничтожить.

– Возможно. Но, во-первых, ты забываешь об армии Цвета, самой талантливой и нравственной во Вселенной. А во-вторых, постепенно все предпочтут Цвет.

Капитан тянется к девушке и заключает её в объятия.

– В-вы чего?

– Ты только что спасла меня. И тех, кто будет после. Ты всех нас спасла.

– Я не понимаю...

– Это не важно. Мы не важны. Лишь Принцип, Принцип Цвета!

– Спасибо, Капитан. Спасибо, что понимаете.

И оба – девушка и измученный глава корабля – сползают на пол. В воздухе остаётся ровно минута кислорода. «Галфрией» погружается во тьму, но и это не важно.

Испытание № 243 провалено.

Испытание № 244

Генерация...

Загрузка...

Запуск.

Лампа на стерильно-белом потолке тревожно мигает. Капитан улыбается.

– Профессор, просто взгляните!

Мужчина в чисто выглаженном твидовом пиджаке поправил галстук и сел перед монитором.

– Чем вы тут занимаетесь? Это логи вашего «гениального ИИ?»

Стоящий рядом юноша в шортах и футболке кивнул.

– Мы с Никитой... В общем, это старый компьютер моего отца, и...

– Ближе к делу, пожалуйста.

– Да, конечно. В общем, этот комп был никому не нужен, и мы установили на него Искусственный интеллект, чтобы поприкалываться.

– Поприкалываться? – профессор заломил бровь.

– Ну, знаете... Поспрашивать его о том, о чём нельзя...

– Понятно. Вы меня для этого пригласили?

– Нет... Не совсем. В общем, в итоге мы дошли до вопроса о смысле жизни.

– И система зависла.

– И система зависла, – кивнул студент. – Но посмотрите, он нашёл ответ.

– Бросьте, молодой человек. Это невозможно!

– Ему понадобилось два года, профессор. Два года постоянной работы.

– Почему вы не выключили компьютер?

– Он был никому не нужен. Поначалу мы всё-таки надеялись, что ответ найдется. А потом... Просто забыли, что Искусственный интеллект его ищет. Знаете, там как раз началась сессия, столько учебы...

– И?

– И вот, неделю назад у меня перегорела материнская плата. Я сел за этот компьютер, и... Смотрите сами.

– Я вижу много логов, и не собираюсь их читать. Даю вам семь минут, чтобы объяснить суть.

– У Искусственного интеллекта был подключён эмоциональный модуль, а также обеспечен полный доступ к информации в интернете. Писать туда он не мог, но читать и скачивать – с легкостью. Год он искал ответ по интернету, но, конечно же, ничего не отыскал. Потом он стал строить симуляции.

– Симуляции?

– Угу. Сначала это были простые вещи, потом более сложные сюжеты. Потом они снова стали упрощаться, но сводясь к одному сюжету.

– К какому же?

– Кораблекрушению. Корабль разваливается на части, остается несколько спасательных шлюпок, нужно решить, кого из пассажиров и команды спасти, кого – оставить.

– И что в итоге?

– Итоговой версией симуляции стал космический корабль. Искусственный интеллект симулировал сознание каждого пассажира и членов команды, каждый раз обновляя состояние корабля, пока смысл не будет найден. Обновления помнила и переживала только одна виртуальная сущность – капитан. Он, как и все остальные «обитатели» корабля, понятия не имел о симуляции, твёрдо зная только одно: нужно разделить людей на более достойных жизни и менее достойных её.

– Итак? – профессор подался вперёд, бегая взглядом по строчкам кода.

– На двести сорок третьей попытке он вывел свою идеологию, в соответствии с которой в двести сорок четвёртой провёл отбор.

– Это значит, что...

– Смысл жизни был найден. Искусственный интеллект называет его Цвет.

– Это просто невозможно. В вашем старом компьютере какая-то ошибка молодой человек.

– Возможно, но профессор...

– Что ещё?

– Эмоциональный модуль. Его показания говорят, что искусственный интеллект счастлив.

Профессор снял очки и откинулся в кресле. На экране компьютера мигали зелёные точки.